

5. Стимулировать появление газетных и журнальных статей, книг и радио- и телепередач, посвященных проблемам демократии.

6. Увеличивать поток внецензурной информации в закрытые общества.

7. Расширять круг членов Демократического Интернационала в демократических странах и государствах с диктаторскими режимами, а также развивать международное движение людей, стремящихся сделать демократию непреходящим идеалом человечества.

Перевод с английского под редакцией В. Козловского

НОВЫЕ КНИГИ

Михайло Михайлов

ЛУЧШИЙ УЧЕНИК СТАЛИНА

Задолго до того, как последняя книга Милована Джиласа появилась в книжных магазинах на немецком и английском языках, уже после первых отрывков из книги, напечатанных в немецком еженедельнике "Дер Шпигель" прошлым летом, вся югославская пресса начала сильнейшую пропагандную атаку против автора книги, известнейшего югославского диссидента, бывшего вице-президента Югославии и долголетнего личного друга Иосифа Броз-Тито. Десятки просто погромных статей сменялись якобы серьезно аргументированными анализами историков и философов, из которых, однако, югославский читатель никак не мог узнать, что же по существу пишет Джилас. Самые высокопоставленные партийцы, члены так называемого "коллективного руководства", не перестают ругать Джиласа в своих публичных выступлениях. Кроме того, как передавало югославское телевидение, в югославском парламенте обвинили Джиласа в том, что он "заработал миллионы долларов, грязным способом эксплуатируя хорошую память о президенте Тито на Западе".

Яростная атака югославской прессы и, несомненно, жгучий интерес у югославских читателей, вызванный этой атакой, очень симптоматичны. Разница в оценке иллюстрирует разницу отношения к югославскому диктатору в Югославии и на Западе. Десятилетия культ Тито в Югославии поддерживался жестокими полицейскими репрессиями, и поэтому югославская коммунистическая партия воспринимает так болезненно и реагирует параноидно на каждое слово правды об умершем вожде.

Книга Джиласа в самом деле заслуживает внимания. Дело в том, что Джилас, то ли из желания быть "объективным", то ли с тонким политическим расчетом, то ли все еще желая оправдать и часть своего прошлого, нарисовал югославского

диктатора намного более светлыми красками, чем он того заслужил. Необыкновенно интересно сравнить то, что о Тито пишет теперь сын Джиласа, Алекса, или молодой белградский писатель Момчило Селич, осужденный недавно на 7 лет тюрьмы за короткую статью, в которой он критиковал Тито и его культ, с чем пишет Джилас. По сравнению с резкой критикой молодого югославского поколения, отношение Джиласа к Тито можно назвать просто дружеским и хвалебным. Однако несмотря на это, перед глазами внимательного читателя достаточно четко вырисовывается истинная фигура жестокого югославского диктатора.

Ничего фактически нового в этой книге, собственно, нет. Однако все уже известные факты о Тито, собранные на одном месте, действуют в самом деле впечатляюще. Внимательно прочтя книгу и не дав себя увлечь дружеским тоном автора, человек начинает понимать, каким способом и какими путями крестьянский мальчик из югославской провинции стал вождем сперва подпольной коммунистической партии, затем кровавой коммунистической революции, потом десятилетиями диктатором страны, даже мировой фигурой, одним из самых влиятельных лидеров так называемого движения "неприсоединившихся стран". К тому же надо добавить, что Тито был, как пишет Джилас, "иностранцем в своей стране" и никогда не научился хорошо говорить по-сербохорватски. (Джилас объясняет этот факт тем, что Тито родился в краю Югославии, где говорили на диалекте, и что он большую часть своей жизни провел или в австрийской армии, или в Советском Союзе, а до этого в России, до революции.) Нельзя забывать, что две другие, тоже яркие фигуры нашего столетия — Сталин и Гитлер — во многом прошли тем же жизненным путем. Сталин тоже родился в бедном грузинском селении, а в молодости не знал русского языка, и все же стал долголетним диктатором величайшей империи XX столетия и вождем всего мирового коммунистического движения. Австриец Гитлер, в молодости бывший так же, как и Тито в армии капралом, становится в Германии диктатором, а потом хозяином почти всей Европы. Поэтому прежде, чем восторгаться такими блестящими биографиями, надо было бы поставить вопрос — хотели бы вы, чтобы такой человек стал вождем вашей страны?

Книга Джиласа напоминает: Тито был в 1928 году арестован и судим за подготовку террористических актов и у него, действительно, были найдены бомбы; годами он был прямым советским агентом, — впрочем, как и многие другие коммунисты в то время; он, уже придя к власти, с благодарностью говорил о том, как советские товарищи освободили его партию от фракционеров, то есть перестреляли фактически весь Центральный Комитет югославской партии в 1937 году, а его самого выдвинули на должность генерального секретаря; самая радикальная, самая сталинистская коммунистическая власть после второй мировой войны была установлена именно в Югославии, так что Сталин, упрекая польских коммунистов за "мягкотелость в борьбе с классовым врагом", ставил им в пример именно Тито, и, как пишет Джилас, сказал: "Тито молодец — он всех перестрелял", и т.д. и т.п.

Из книги видно, как югославские коммунисты до мельчайших подробностей следовали сталинским путем. Сразу же после прихода к власти для партийцев были созданы закрытые магазины, сразу же с 1945 года югославская КБ —УДБА — стала контролировать не только всю страну, но и партию, а отношение вождя к остальным партийным лидерам было точно такое же, как в Кремле. Все важнейшие решения принимал лично Тито, Центральный Комитет не собирался почти 10 лет, а когда маршал Тито начал устраивать охоты в бывших королевских и государственных угодьях и поместьях, теперь попавших в его личное распоряжение, то, как пишет Джилас (к сожалению, без иронии), — Тито даже позволял участвовать в охотах членам Политбюро, особенно тогда, когда охотился сам. Словом, констатация автора книги, что диктатура Тито была "несравненно более жестока и brutальна чем при короле Александре", после перечисленных фактов выглядит излишней. Джилас прекрасно показал и доказал, что для Тито единственной целью всей жизни была власть — неделимая, монополярная личная власть. И особенно интересны те страницы книги, на которых показано, что Тито никогда не шел ни на какую либерализацию без давления обстоятельств, что он был вынужден к введению почти рыночного хозяйства и к допущению так называемого рабочего самоуправления, которое, как верно отмечает Джилас, отнюдь не изменило сущности

однопартийного строя. Даже во внешней политике, как это описывает Джилас, Тито буквально страдал из-за необходимости смягчать свою линию по отношению к "капиталистическим странам", поскольку попал в зависимость от западной экономической помощи после столкновения со Сталиным.

Джилас, — иногда даже против собственной воли, — показывает, насколько бессмысленен и лишен всякого основания миф, будто Тито является некоей противоположностью Сталина, а не "югославским Сталиным". При чтении книги "Дружба с Тито", становится самоочевидно, что попади Сталин на место Тито, он действовал бы, как Тито до самой своей смерти. Точно так же можно себе представить и Тито на месте Сталина. Как Сталин или Ленин, Тито тоже немилосердно уничтожал после своей победы в гражданской войне так называемых "классовых врагов" и цвет югославской интеллигенции. Как и Сталин, он создал страшные концлагеря для своих вчерашних партийных товарищей и безжалостно с ними расправлялся. Как и Сталин, Тито после ликвидации (в случае Джиласа — только политической) своих внутривластных соперников брал на вооружение именно их идеи. Как и Сталин, Тито пользовался идеологией только как оружием в борьбе за поддержание собственной монополющей власти при полном своем равнодушии к идеологическим вопросам. Как Сталин во время насильственной коллективизации написал свою статью "Головокружение от успехов", в которой якобы встал на защиту крестьян, хотя коллективизация проводилась по его приказу, — так и Тито после войны остановил якобы собственным приказом проводившиеся бесконечные расстрелы в стране, заявив вполне прагматично, что нет смысла больше убивать, так как "никто больше не боится смертной казни". В отличие от Сталина, Тито, как это пишет Джилас, никогда лично не хотел подписать или подтвердить какой-либо смертный приговор (в те времена, когда расстреливать уже начали по приговору суда, а не по "классовому признаку"), и всегда предоставлял делать это другим.

Нет ничего более неверного, чем утверждение, что Тито был будто бы "национал-коммунистом". В Югославии, стране многонациональной, коммунистическая партия была именно наднациональна, как и в Советском Союзе. Но именно Сталин первым провозгласил "построение социализма в одной стране", и,

стремясь использовать подъем национальных чувств русского народа во время второй мировой войны, переименовал красную армию в советскую армию, всеми силами эксплуатировал русскую имперскую традицию в собственных целях. Во время столкновения со Сталиным, одним из аргументов югославских коммунистов было именно то, что советская партия изменила интернациональному коммунистическому движению и стала государственно-имперской. Настоящий национал-коммунизм появился в Югославии лишь в начале 70-х годов, во время так называемой хорватской весны, когда выдвинувшиеся молодые партийные лидеры Хорватии выступили как представители хорватского народа против монополии общегославской наднациональной титовской коммунистической партии. В 1971 году Тито разгромил коммунистическую партию Хорватии, а, на год позже, также и коммунистическую партию Сербии, так что о национал-коммунизме Союза коммунистов Югославии так же мало приходится говорить теперь, как и во время столкновения Тито со Сталиным. Когда на Западе иногда пишут, что Тито уже во время Второй мировой войны противостоял Сталину и не всегда следовал приказам Коминтерна, обыкновенно забывают уточнить — о чем шел спор. Дело в том, что так же, как и в отношении Мао Цзэдуна в Китае, Сталин глубоко сомневался в том, что коммунисты одержат победу в гражданской войне и введут свою диктатуру, и требовал от Тито и Мао Цзэдуна сотрудничества с национальными силами. И Тито, и Мао Цзэдун, вопреки требованиям Кремля, сделали ставку на гражданскую войну и одержали победу. И совсем уже нелогично, наряду с восхвалением мнимого титовского "национал-коммунизма" и величанием его "национальным лидером", восхвалять Тито также за то, что ему удалось десятилетиями держать объединенной многонациональную страну. То же самое Сталину и нынешним советским вождям вписывается в величайший грех. И как-то совсем забывают, что в 1956 году Тито поддержал советскую оккупацию Венгрии, согласившись на ликвидацию венгерской революции. Или что во время войн на Ближнем Востоке в 1967 и 1973 гг. Тито немедленно открывал югославские аэропорты для советских военных транспортов. Все это Тито прощается.

Однако надо признать, что в чем-то существовала и разница между Сталиным и Тито. Она состояла в жизненном стиле обоих диктаторов. Джилас рассказывает, как сразу после войны Тито забрал в свое личное пользование не только все королевские, но и государственные и даже некоторые частные дворцы и поместья. Как говорит Джилас, "сам Тито не знал, сколько у него дворцов". Захватывал Тито и частные коллекции картин, золото, драгоценные камни, острова в Адриатическом море, устроил даже собственный частный зоологический сад. Вспоминается такой случай, который произошел лет десять назад. В белградском зоологическом саду родился слоненок, и ежедневная газета "Политика" объявила детский конкурс на его лучшее имя. Неделями газета печатала в своем детском отделе предложения детей, репортажи из зоологического сада. Но вдруг, перед самым окончанием конкурса, газета умолкла и на вопросы читателей не отвечала. Только несколькими годами позже стало всем известно, что слоненок находится в частном зоологическом саду Тито на его островах Бриони.

Джилас рассказывает, как любил Тито носить на пальцах драгоценнейшие бриллианты, а на поясе — тяжелейшую пряжку из литого золота. Чрезвычайно характерно и то, что Тито сам придумывал с художником свою золотую маршалскую форму. Как это напоминает бывшего императора Бокасу Первого и некоторых других вождей стран Третьего мира! Несмотря на то, что официально Тито получал очень маленькое жалованье, как и Сталин, — о чем свидетельствовала дочь последнего Аллилуева, — Тито был, как это пишет Джилас, "самым дорогим властителем своего времени". Однако как ни парадоксально, именно этот его жизненный стиль, эти его черты — безудержная любовь к роскоши, к дорогим винам, обществу молодых и красивых женщин, — сделали его в глазах некоторых более симпатичным, человечным, чем если бы он был идеологическим фанатиком. Но все-таки не стоит забывать, что все, что Тито делал, было полностью подчинено его неизменной и главной цели — поддержанию и расширению личной власти. Когда это требовалось, как это было до столкновения со Сталиным, он создавал о себе представление в мире как об образцовом коммунистическом вожде, полужаскете. Впоследствии, — и это Джилас очень глубоко отмечает, — даже весь королевский блеск и роскошь

служили Тито лишь инструментом для укрепления власти. В конце его жизни десятилетиями насаждаемый культ Тито дорос поистине до абсурда. Джилас вспоминает, как после ампутации ноги организация так называемого Социалистического Союза города Белграда предложила в четвертый раз наградить Тито орденом народного героя за пережитую операцию!

Вся эта роскошь и блеск, которыми окружил себя Тито, сами по себе не вызывали бы такого отвращения, если бы не сопрягались они с бесправием миллионов граждан Югославии и тысяч и тысяч политических заключенных. Джилас рассказывает, как на островах Бриони некоторые новые дворцы возводились для Тито заключенными и как Тито однажды пошутил: "Все великое в истории построено рабами". Величайшая ценность книги Джиласа для Югославии определяется именно этим образом Тито, созданным человеком, который годами знал его близко. Ведь югославский читатель привык за треть с лишним столетия видеть Тито только на фотографиях, в бесчисленных скульптурах, в фильмах, всегда издалека, как живого полубога.

Джилас верно считает, что в истории Югославии, а также в личной карьере Тито самым важным событием было столкновение со Сталиным в 1948 году. Однако столкновение со Сталиным и борьба югославских коммунистов за независимость от Москвы ни в коем случае не была борьбой за свободу или демократию. Именно тогда в Югославии начались самые страшные годы, которые можно сравнить лишь с годами великих чисток в Советском Союзе до второй мировой войны. Только после столкновения со Сталиным в Югославии были построены концентрационные лагеря, начались чистки, ночные аресты и насильственная коллективизация. Зная, что весь ужас югославских концентрационных лагерей до сих пор все еще не был обнародован и осужден, ибо в Югославии еще не было своего "XX съезда" партии, и поскольку сам Джилас в те времена еще был у власти, — он уже не в первый раз подчеркивает, что приказ об основании концлагерей исходил лично от Тито, и что Тито не советовался об этом даже ни с одним членом Политбюро. Согласно Джиласу, в лагерь попало около 15.000 человек, из которых 7.000 были офицеры.

Джилас не пишет, сколько из заключенных не вышло из лагерей, однако люди в Югославии уверены, что не вышел каждый третий и что число заключенных было намного больше, чем насчитал Джилас. Как и сталинская внутривнутрипартийная оппозиция, которая попала в сталинские лагеря, югославские заключенные были партийцы, не понявшие, что вождь внезапно изменил свой политический курс, продолжавшие верить его вчерашним словам. Джилас об этом пишет: "Революция, которая не пожирает своих детей, не есть настоящая революция, как и дети, которые не позволяют, чтобы ради революционных иллюзий революция их сожрала, не есть настоящие вневременные революционеры". Другими словами, в страшные титовские лагеря попали как раз те люди, которые все еще сохраняли революционные иллюзии, и они "позволили себя съесть" именно потому, что оставались настоящими революционерами. Как видим, именно в этом пункте позиция Джиласа отличается странной двойственностью. С одной стороны, он характеризует положение в стране и в югославской титовской партии как совершенно сталинистское. А, с другой стороны, заключение в концлагеря людей, которые выступили против такого положения и против югославской сталинистской партии, он считает оправданным, ибо, по его мнению, приход к власти этих противников Тито принес бы стране еще худшие бедствия.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что эти югославские узники концлагерей, которых и в Югославии, и на Западе называли "сталинистами", ничего общего с советскими сталинцами не имели. Не зная советского сталинизма, но сохранив, как выражается Джилас, "революционные иллюзии", они выступали против местного югославского сталинизма, который в то время ничем не отличался от советского. Поэтому считать их настоящими сталинистами, как это, вопреки содержанию всей своей книги, делает Джилас, говоря коротко, просто неверно. И когда он пишет об этих жертвах югославского сталинизма, Джилас утрачивает логичность и последовательность. С одной стороны, он пишет, что "мы не обращались со сталинистами так жестоко, как это Сталин делал со своими узниками", и в то же время, несколькими страницами ниже, рассказывает о том, что югославское КГБ "выдумало и применило самые изощренные методы в истории, чтобы психически и физически

сломить заключенных". Он сам описывает, каковы были эти методы. Дело в том, что рассчитывать остаться в живых мог в лагере лишь тот, кто терроризировал, избивал и буквально убивал всех, не желающих публично покаяться и облить себя грязью. Как и в китайских тюрьмах, о чем в последние годы писали выехавшие из Китая, заключенные сами вели "расследования", пытали и якобы выносили приговоры. Полное самоуправление! Джилас пишет, что в лагерях это официально даже называлось "самоуправлением заключенных". Словом, и сам Джилас признает, что после ликвидации лагерей в 1956 году на свободу вышли только душевные и физические калеки. С совершенно непривычной, когда речь идет о Джиласе, наивностью, он сетует, что югославские писатели все еще обходят тему югославских концлагерей, а также послевоенной антикоммунистической герильи (партизанщины) в югославских горах, когда было перебито от сорока до пятидесяти тысяч повстанцев, а гонения которых продолжались до начала 50-х годов. Джилас наивно пишет, что писатели, очевидно, не оценили значения этих тем. Непонятная для Милована Джиласа наивность! Может быть, это — своеобразная ирония и сарказм?

Свое противоречивое отношение к самым сталинистским годам югославской истории Джилас пытается обосновать вот каким образом: "Да, — говорит он, — только применяя сталинистские методы, мы могли противостоять Сталину". "Однако, — продолжает он, — могут сказать, что не приди к власти в Югославии коммунисты, будь Югославия демократической страной, она самой своей структурой противостояла бы Сталину, и, чтобы бороться со Сталиным, не надо было становиться сталинистами". "Это верно, — пишет Джилас, — однако, Югославия-то ведь уже была коммунистической..." Это рассуждение не убеждает меня в заслугах Тито, не оправдывает в моих глазах всех ужасов югославского сталинизма. Мы ведь вправе спросить: а кто же вверг Югославию в коммунизм? Да тот же Тито и его партия!

Столь же мало убедительны рассуждения Джиласа о различиях между фашистскими и коммунистическими диктаторами. Вообще, самые слабые и просто плохие места в книге — это попытки философских обобщений и объяснений. Например, Джилас оправдывает стремление Тито к монополюльной власти и

его борьбу за эту власть тем, что всякая человеческая борьба есть борьба за власть.

Некоторым извинением неглубоких и путанных философствований Джиласа может быть тот факт, что народы Югославии не имеют философских традиций и не породили ни одного мыслителя мирового значения, если не считать католического монаха Руджера Бошковица XVII столетия, писавшего, однако, на латыни, да американского ученого Николу Тесла. Волей судьбы первыми двумя людьми с мировым именем и влиянием, рожденными на территории нынешней Югославии, оказались Тито и Джилас. Первый — как вождь и диктатор независимого от Москвы коммунистического движения и государства, второй — как родоначальник всего диссидентского движения в коммунистических странах. И, несмотря на то, что Джилас многие годы провел в тюрьме, в то время, как Тито властвовал, вопреки устоявшемуся мнению, Джилас является тоже крупной звездой именно на политическом небе. Прекрасно понимая, что сейчас, а тем более в недалеком будущем он остается и останется важнейшей политической фигурой в стране, Джилас, вспоминая многолетние упреки своих критиков и в Югославии, и на Западе в том, что он недостаточно умел притворяться и маневрировать, ибо, будучи вторым человеком в стране, мог таким путем стать наследником Тито, — он спрашивает с иронией: "А где теперь все те, которые умели маневрировать?"

Для объяснения такого явления как культ диктатора Тито на демократическом Западе, недостаточно учитывать чисто прагматические мотивы, по которым демократические государства поддержали югославского диктатора после его столкновения со Сталиным. Видимо, корни, из которых так пышно разросся культ этого коммунистического диктатора, лежат много глубже, чем просто в сфере ежедневной политики. Культ Тито питается неспособностью или нежеланием увидеть реалии нашего времени, когда демократии смертельно угрожает не одно определенное государство, а мировой коммунистический тоталитаризм во всех своих формах, не только советской, но любой другой. Обычно совершенно забывают, что самое сталинистское из современных государств — это полностью от Советского Союза не зависящая и никогда не бывшая от него зависимой Албания.

Благодаря своему жизненному стилю, Тито может рассматриваться как символ успешного соединения главных зол обоих миров, — и коммунистического, и на Западе уже отживающего вульгарно-буржуазного. Но именно поэтому он десятилетиями подавал надежду, что коммунистическая диктатура способна к либерализации и эволюции, особенно если этот процесс будет поддержан экономически. Поскольку это всего лишь иллюзия, югославская версия коммунизма в некотором смысле опаснее, чем другие, более грубые.

И все же есть реальная надежда, что в очень скором будущем сама жизнь, то, что будет происходить в Югославии, полностью разрушит культ Тито, чего не умели сделать те не очень многие люди, среди которых на первое место надо поставить именно Милована Джиласа, которые десятилетиями писали и говорили правду о коммунистической Югославии.

Очевидно, из-за того же самого культа Тито, многие не знают, что задолженность Югославии выше, чем Польши. Тяжелейший экономический кризис; инфляция, одна из самых высоких в Европе; 12% безработных в самой Югославии, не считая почти что миллиона югославских рабочих, вынужденных уехать на заработки в Западную Европу; число политических заключенных, в сотни раз больше, чем в довоенной Югославии; подавление всякого инакомыслия; все шире разрастающееся, вопреки репрессиям, диссидентское движение, выступающее с требованиями свободы печати, амнистии политических заключенных и так дальше, — все это создает благоприятную почву для радикальных перемен в системе.

Если в борьбе за власть, которая сейчас, очевидно, идет в кругах партийной бюрократии, возьмет верх реформистская и более либеральная струя, то надежды на демократические реформы под давлением обстоятельств отнюдь не беспочвенны. Но, к сожалению, существует еще более вероятная опасность, что югославская партия в критический момент, в страхе перед народом и возможностью потерять монопольную власть, сама позовет на помощь Советский Союз.

Так как основным стержнем, на котором держится коммунистическая диктатура в Югославии, остается именно культ Тито, то лишь через ликвидацию этого культа открывается дорога к

демократическим реформам, которые, единственно, могут спасти независимость страны.

Книга Милована Джиласа "Дружба с Тито" разрушает миф о югославском диктаторе, что и составляет ценность и огромное значение этой книги для будущего Югославии.

Милован Джилас

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ "ДРУЖБА С ТИТО" *

Нет выше храбрости, чем политическая

Во время войны бросалась в глаза забота Тито о сохранении партийных "кадров", а еще больше его собственной жизни. Эта озабоченность как бы даже возрастала по мере роста его роли и личной власти. Дело не только в эмоциях. Тут присутствовало и сознание ответственности за партию и восстание: что будет с ними, если он погибнет? Но еще заметнее было стремление Тито к славе, желание насладиться абсолютной властью, завершением начатого дела. Личную власть и революцию Тито почти что отождествлял.

Но как бы ни оценивать его поведение во время войны, все-таки несомненно, что Тито испытывал сильную озабоченность за сохранение своей армии, а не только своей личной безопасностью. В период так называемого Четвертого наступления¹ при окружении в районе рек Рама и Неретва, в начале 1943 года, он постоянно менял или отдавал двусмысленные приказы. Но в то же время он сумел провести рискованную, самоотверженную и мужественную перегруппировку отрядов с целью спасения раненых, не только разбив при этом немцев в районе Вилица Гувно, но и избавив партизан от "немецкого комплекса", от владевшего ими убеждения в превосходстве немецкой армии. На реке Неретва Тито, как тигр в клетке,

* Milovan Djilas, *Druženje s Titom*, Harrow, Middlesex, Great Britain.

¹ В течение партизанской войны немцы провели семь наступлений против партизан.